

ПОСВЯЩАЕТСЯ НЬЮТ

Даже когда он спит, его сознание более ясное, чем у многих. Его тело усмирили, но его незаурядный разум никогда не окажется в чьей-то власти. Он застыл в анабиозе между одним мигом и следующим, но его сознание по-прежнему бродит за пределами тюрьмы. Он строит планы, он составляет схемы и с каждой секундой становится еще на шаг ближе к свободе. Он сам все так устроил. После поимки он, зная, что его поместят в анабиоз, сделал так, чтобы его нашли.

И освободили.

Карта, на которой отмечено его местоположение, уже далеко, но Сайласу сложно вспомнить, как давно он ее отправил. Иногда мгновения кажутся ему секундами, а иногда — годами. Его это слегка раздражает, ведь у него еще столько дел.

Освободившись, он сделает себя лучшие. Он обрушит свою ярость на тех, кто стремился вскрыть его череп и расшевелить его разум. Сайлас был их первым объектом, их подопытной крысой, и он уверен, что, кроме него, были и другие. Возможно, они оказались более со-

FIREFLY

вершенными, но он в этом сомневается. Он уникален, и хотя изменения пошли ему на пользу, он все равно хочет отомстить за то, что с ним сделали.

Только такой же, как он — один из тех, кто появился позже, — сможет разобраться в карте и привести сюда других. Тогда он проснется.

Сайллас — тощий, голодный паук в центре паутины — ждет, когда закончатся темнота и неподвижность. Выйдя на свободу, он сокрушит все и вся.

Прижимая к сердцу залог своего прекрасного будущего, рядовой Хен Чой смотрел в иллюминатор. «Миротворец», эсминец Альянса, доживал свои последние минуты. Выли сирены. Сообщения об опасности звучали в коридорах, кают-компаниях и даже в спасательных капсулах, воспользоваться которыми не было времени. Повсюду сновал обслуживающий персонал; большинство не забыло, что нужно делать в аварийных ситуациях, и действовало по инструкции, но Хен Чой заметил, что несколько человек спрятались под койками в казарме на против.

Хен рассмеялся. Правила действий при аварийной посадке не спасут их от взрыва, разгерметизации, ледяного космоса, пожара, падающих обломков и сотни других факторов, которые совсем скоро станут причиной их смерти. «Просунь голову между колен и поцелуй себя в задницу на прощание», — подумал он, но черный юмор ему не помог. Веселье сменилось печалью, когда он прижал ладонь к груди.

Она лежала там, во внутреннем кармане куртки, — сложенная и запечатанная с помощью вакуума в герметичном пакете. Он знал, что она бесценна, и боялся, что теперь, когда он так близок к смерти, знания, скрытые в ней, будут утеряны, а ее потенциал так и не удастся реализовать.

Корабль террористов поворачивался в их сторону. Из отверстий в его корпусе вылетал воздух и пляшущие языки пламени. Несколько артиллеристов, настроенных оптимистично, вели по нему огонь, но остановить эту неумолимую, жуткую громадину не могли. Хен невольно почувствовал уважение к храброму пилоту корабля террористов, который шел на таран, совершая последний в своей жизни акт непопытования.

Хен закрыл глаза и снова открыл их только тогда, когда по внутренней связи объявили, что столкновение произойдет через десять секунд. Он хотел увидеть свои последние мгновения.

После столкновения он врезался в иллюминатор, упал на пол, а затем начал отскакивать от одной стены к другой. «Миротворец» вздрогнул; на корпусе появились трещины, а затем корабль развалился на части. Хен выдохнул весь воздух из легких, однако разгерметизация, которой он боялся, не наступила. Его органы чувств пришли в смятение. Он слышал звуки взрывов, хруст, визг рвущегося металла и вопли умирающих. Он почувствовал зловоние: это разрушилась установка по переработке отходов. Рядом что-то взорвалось, и несколько членов экипажа врезались в Хена. Их тела защитили его от взрыва, но он почувствовал, как на его лицо и руки брызнула кровь.

ПОКОЛЕНИЯ

Хен снова и снова слышал сообщение, призывающее покинуть корабль, но предположил, что те, кому удастся добраться до спасательных капсул, разлетятся на части сразу после старта. Сейчас он видел только части двух кораблей, распускающиеся цветы огня в трещинах корпуса, а также вращающиеся искалеченные тела.

Хен снова встал и добрался до иллюминатора, по прежнему прижимая ладонь к внутреннему карману форменной куртки. «Неужели все дело во мне?» — подумал он, и эта мысль врезалась в него, словно потерявший управление корабль. Он вспомнил свой первый и единственный рейс за пределы Периферии: его взводу поручили сопровождать двух жутких типов, похожих на ученьих. Эти типы в синих перчатках бродили по странному брошенному кораблю, охраняя какого-то опасного заключенного. Тот отвлек внимание охраны и подстроил встречу с Хеном. «Она бесценна», — шепнул он на ухо Хену, вжимая в его ладонь сложенный лист бумаги — карту. Хен — молодой, впечатлительный, напуганный — не имел причин усомниться в его словах. Он всегда держал карту при себе, а теперь понял, что заключенный, скорее всего, имел в виду совсем не ее стоимость.

До него снова донеслись вопли, звук разрывающегося металла, и он понял, что «Миротворца» выбило на быстро уменьшающуюся орбиту рядом с маленькой планетой, вокруг которой они летали уже несколько дней. Им поручили выступить в роли посредников на переговорах между местными враждующими кланами, но что, если это просто прикрытие?

— Что я наделал? — спросил Хен, но рядом не было никого, кто мог ему ответить.

Его сердце забилось быстрее, словно давая жизнь странной карте, разобраться в которой он так и не смог. Он никому о ней не рассказывал, надеясь когда-нибудь извлечь из нее прибыль. Возможно, секретность была ошибкой.

Корабль начал вращаться.

В иллюминаторе чередовались космос, планета и горящие обломки, которые разлетались во все стороны.

Какие бы вопросы у него ни оставались, он умрет, не узнав ответов.

Кэтрин и ее родные следили за тем, как пылающий, дымящийся корабль падает сквозь разреженную атмосферу. Вращаясь и разваливаясь на части, он издавал свой последний, оглушающий яростный рев, обращенный к тому, кто его сбил.

— Это увидят десятки людей, — сказал ее отец. — Их нужно опередить.

Кэтрин и ее брат кивнули, но всем было ясно — вероятность того, что им повезет, крайне мала. Им никогда не везло. Если где-то появлялся брошенный корабль, на котором есть чем поживиться, они добирались до него в тот момент, когда от него оставался практически обглоданный остов. Если в одном из глубоких ущелий находили газ, они успевали наполнить пару бутылей слабым, грязным сырьем, прежде чем скважина иссякала. Они бродили по планете в погоне за удачей, но им так и не удавалось поймать ее за хвост.

— Если пойдем домой за катером, упустим время, — сказала Кэтрин.

— Значит, придется бежать, — ответил ее брат.

ПОКОЛЕНИЯ

И поначалу они бежали, однако из-за нехватки кислорода в атмосфере они вскоре начали задыхаться и в результате перешли на быстрый шаг.

Горящий корабль оставил в темном небе расширяющийся дымовой след, который, словно свежий мазок краски, закрывал собой звезды, меняя часть небосвода. Раздался грохот: корабль разбился в далеких горах Мидон. На горизонте вспыхнуло пламя, подсвечивая горы приглушенным желтым блеском.

— Думаю, от него мало что осталось, — сказала Кэтрин.

— Всегда остается то, что можно выменять или использовать, — ответил отец.

— Но горные банды будут на месте аварии гораздо раньше нас!

— Значит, придется еще побегать!

Перед глазами у Кэтрин все поплыло, но они, преодолевая боль, побежали туда, где — возможно — лежит столь нужный им утиль.

Когда они добрались до разбитого корабля Альянса, огонь уже погас и от него остались только дымящиеся обломки. Банды с гор Мидон действительно здесь побывали и забрали с собой все, что имело какую-либо ценность. Земля здесь была вся истоптана, а чуть в стороне от корабля были аккуратно сложены в ряд почти пятьдесят трупов — экипаж. Выживших вытащили из-под обломков, а затем казнили.

Кэтрин посмотрела на тела. У некоторых были жуткие травмы, вызванные аварией — сломанные кости, оторванные конечности, окровавленные раны, ожоги, — но у каждого в груди виднелись пулевые отверстия.

Ее брат подошел к ним, опустился на колени и начал обыскивать первый труп.

— Нет! — воскликнула Кэтрин. — Так нельзя!
Это...

— Ей уже все равно, — сказал ее отец и кивнул в сторону следующего трупа. — И ему тоже. У них могут быть деньги, удостоверения личности, пушки, даже еда. Все это добро может принести пользу нам или сгнить здесь. На самом деле выбор очевиден.

— Даже горные банды не крадут у мертвых.

— Они же сами их убили! Они не крадут у людей Альянса только потому, что считают их нечестивым отребьем. А я... я их просто не очень люблю.

Десять минут Кэтрин наблюдала за тем, как ее отец и брат обыскивают трупы, а затем тоже принялась за работу. Голод часто заставлял ее забывать о принципах.

Четвертый труп — мужчина средних лет — был сильно искален в ходе аварии. Кроме того, кто-то всадил ему в грудь три пули.

Правую руку он засунул себе под куртку, и когда Кэтрин потянула за нее, то вместе с ней вытащила вакуумированный сверток, крепко зажатый между его большим и указательным пальцами.

Она бросила взгляд на отца и брата. Они, увлеченные поисками, не обращали на нее внимания. *Они думают, что я никогда не найду что-то стоящее.* Кэтрин начала разворачивать сверток, и он с негромким вздохом открылся.

Что-то внутри свертка сверкнуло. Блеск напугал ее. Сначала она решила, что это просто сложенный лист бумаги — возможно, письмо, адресованное тем, кто был дорог погившему, но нет, в письме, похоже, лежала какая-то техника. Возможно, за него удастся что-то выручить. Сев на землю, Кэтрин достала из прозрачного пакета предмет, развернула его и поло-

ПОКОЛЕНИЯ

жила на колени. На поверхности предмета с шипением вспыхнули и погасли искры, а затем он превратился просто в толстый, вощенный лист бумаги. Странные надписи на нем Кэтрин никак не могла разобрать.

— Что там у тебя? — спросил брат.

— Ничего, — ответила она. — Какой-то старый рисунок.

— Ищи вещи, которые можно продать! — сказал он и принялся обыскивать еще один труп.

Кэтрин, не глядя, помахала ему рукой и нахмурилась, пытаясь понять, что именно она нашла. Никакого явного источника энергии у листа бумаги не было — должно быть, он просто накопил статическое электричество во время аварии, а надписи на обеих его сторонах ничего ей не говорили.

Кэтрин запихнула пакет в задний карман, закрыла глаза мертвому. Его история закончилась. Кэтрин подумала о том, кем он был. А затем перешла к следующему трупу.

Три дня спустя Кэтрин обменяла пакет на пару кожаных сапог. Они были далеко не новые, но зато прочные и хорошо сидели на ноге, а странная старая карта ничего не стоила, и поэтому Кэтрин самодовольно сообщила отцу с братом о выгодной сделке.

Человек, с которым она поменялась, звали Мартин, и семнадцать дней спустя он умер. Выстрела, который его убил, он не услышал. Женщину, нажавшую на курок, звали Марсин Рум, и она выстрелила в него, потому что ей платили за убийства, а Мартин стал просто еще одной жертвой в длинном списке мужчин, женщин и детей — как злодеев, так и несчастных, ни в чем не повинных людей, — которые пали от ее руки.